

STUDIA PHILOLOGICA

М. В. Копотев

Т. И. Стексова

ИСКЛЮЧЕНИЕ КАК ПРАВИЛО

**Переходные единицы
в грамматике и словаре**

Studia philologica

Михаил Копотев

**Исключение как правило:
Переходные единицы в
грамматике и словаре**

«Языки Славянской Культуры»

2016

УДК 80/81
ББК 81

Копотев М. В.

Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев — «Языки Славянской Культуры», 2016 — (Studia philologica)

ISBN 978-5-94457-253-0

В монографии обсуждаются переходные единицы, занимающие промежуточное положение между лексикой и грамматикой, между разными грамматическими уровнями, обладающие непрозрачностью формы и некомпозициональностью содержания, не вписывающиеся в традиционные лингвистические классификации. Причиной появления таких переходных единиц авторы считают процессы идиоматизации. В исследовании подчеркивается, что идиоматизация – один из постоянных и важнейших процессов конвенциализации речевого потока языковым сообществом. Результаты этого процесса проявляются в огромном числе полуоформленных фрагментов и размывании границ между языковыми уровнями. Речевые единицы на границах этих уровней и являются главным объектом описания в этой книге.

УДК 80/81

ББК 81

ISBN 978-5-94457-253-0

© Копотев М. В., 2016

© Языки Славянской Культуры, 2016

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	7
Введение	8
Объект исследования	9
Определение и классификация	11
Теоретические предпосылки	13
Теория невидимой руки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Татьяна Стексова, Борис Коптелов

Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре

Хельсинкский университет

ФБГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Рецензенты:

Кустова Г. И., д. филол. н., в. н. с.

Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

Дымарский М. Я., д. филол. н., профессор, с. н. с.

Института лингвистических исследований РАН,

профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

В оформлении переплета использована картина Сая Твомбли Bacchus, 2006–2008.

We deeply thank Cy Twombly Foundation for their generous permission to reproduce this image.

All rights remain reserved.

© Копотев М. В. Стексова Т. И., 2016

© Языки славянской культуры, 2016

© Cy Twombly Foundation Courtesy Archives Fondazione Nicola Del Roscio, 2016

Предисловие

Эта книга – совместный труд ученых, живущих на расстоянии в четыре тысячи километров друг от друга. Это обстоятельство не помешало ни знакомству с публикациями друг друга, ни встречам в Хельсинки и Новосибирске, ни плодотворному дистанционному общению. В ходе нашей работы мы последовательно сближали российский и западный подходы, что было не всегда просто, но оказалось полезным для обоих авторов и, как мы надеемся, окажется интересным для читателя.

В монографии обсуждаются «исключения из правил» – переходные языковые единицы, занимающие промежуточное положение между лексикой и грамматикой, между разными грамматическими уровнями, отличающиеся некомпозициональностью содержания и непрозрачностью формы, не вписывающиеся в традиционные лингвистические классификации. Причиной появления таких переходных единиц являются процессы идиоматизации, наиболее исследованные примеры которой – лексические фразеологизмы. В нашем исследовании мы подчеркиваем, что это явление гораздо шире: идиоматизация – один из постоянных и важнейших процессов конвенциализации речевого потока языковым сообществом, который может привести и к образованию фразеологизма, и к созданию грамматического правила. Результаты идиоматизации проявляются в огромном числе полуоформленных фрагментов и размывании границ между языковыми уровнями. Речевые единицы на границах этих уровней и стали главным объектом описания в этой книге.

Благодарности

Это исследование не состоялось бы без деятельной помощи множества коллег в разных странах мира. Всем им, названным и не названным, мы выражаем самую сердечную признательность. Наша особая благодарность А. В. Файнвейц и проф. А. Мустайоки за разрешение использовать материалы статей, написанных в соавторстве с ними. Приятно добавить, что именно Арто Мустайоки познакомил будущих соавторов и сделал возможными наши встречи в Хельсинки и Новосибирске.

Значительная часть этой книги возникла как результат работы в команде единомышленников в рамках проекта CoCoCo (Colligatons, Collocations, and Corpora) в Хельсинки. Наша благодарность Р. Янгарберу, Л. Пивоваровой, Д. Кормачёвой, М. Пирсу, Л. Эскотеру за поддержку и критику самых смелых и странных идей! На заключительном этапе один из авторов получил возможность завершить работу над рукописью в рамках стажировки по программе Fulbright Senior Scholars в Гарвардском университете. Мы благодарим программу Фулбрайта и проф. М. Полинскую за замечательные условия работы, созданные в Новой Англии. Подготовка этого издания частично финансировалась за счет средств Новосибирского государственного педагогического университета и проекта BAULT (Building and Use of Language Technology) Хельсинкского университета. Мы благодарим наши университеты за эту поддержку.

Наконец, мы благодарим наших рецензентов проф. Г. И. Кустову, проф. М. Я. Дымарского и проф. Б. Ю. Нормана, которые согласились прочитать рукопись и сделали множество бесценных замечаний, существенно улучшивших нашу книгу. За оставшиеся ошибки и неточности полную ответственность несут исключительно авторы.

Введение

Исследования последних десятилетий показали, что сочетание единиц, не подчиняющееся правилам, происходит на разных уровнях. Процесс нестандартного «склеивания» приводит к появлению переходных единиц, расположенных на границах языковых уровней, наследующих свойства свободного сочетания и обладающих свойствами связанного комплекса. Так, сочетание местоимения с союзом *по тому что* становится союзной лексемой *потому что*; свободное сочетание лексем *без галстуков* – фразеологизмом (*встреча*) *без галстуков*; сложное предложение *Что касается X, то P* – лексически связанной квазиполипредикативной единицей. Традиционно изучение составных единиц ограничивается сферой лексической фразеологии. Не преследуя цели описать все возможные способы идиоматизации и все виды идиоматических единиц, в нашем исследовании мы рассматриваем идиоматизированные единицы не только лексического уровня. Мы исследуем две основные проблемы.

1. Переходный статус единиц, не строго очерчиваемый рамками уровневого описания языка: *слово – словосочетание – предложение*. Говоря метафорически, мы описываем единицы, находящиеся в этой классификации на месте тире – между общепринятыми лексическими и грамматическими единицами.

2. Общие принципы образования таких единиц. Как происходят процессы на разных уровнях? Есть ли что-то общее между синтаксическими и лексическими переходными единицами? Является ли идиоматизация естественным языковым механизмом или вызвана сбоем в системе?

Более общая проблема, стоящая перед современной лингвистикой, – это старый вопрос о соотношении языка и речи. По нашему мнению, соотношение языка и речи должно быть развернуто в направлении от речи к языку: не заданные правила, по которым от уровня к уровню «порождаются» единицы, а речевой поток, из которого под влиянием частотности, прецедентности и других факторов рождается правило. В частности, мы хотим подчеркнуть, что идиоматизация не периферийный процесс и не «исключения из правил», а ключевая особенность процесса производства речи, которая в одном случае приводит к возникновению предельно обобщенного правила (например, *без* + Род. пад.), в другом – к менее общему (*без* + [шапки, пальто]), а в третьем не приводит к обобщению, оставаясь уникально-идиоматическим: (*встреча*) *без галстуков*. Языковые правила в этом смысле есть не что иное, как обобщение (генерализация) речевого потока. Начало этого – совместная встречаемость единиц в речевом потоке, а строгое языковое правило – лишь одна из возможностей завершения этого процесса.

Книга построена как подробное описание нескольких конкретных «кейсов». Мы обсуждаем переходную природу единиц, степень идиоматизации единиц и то, как эта степень влияет на их статус в лингвистическом описании. В большинстве случаев, описанных в книге, единицы развиваются в результате «опрошения»: от более сложной единицы к более простой – и идиоматизированной.

Объект исследования

- Профессор, я готовился к экзамену день и ночь!
- Дорогой мой, что же можно выучить за одни сутки!?

Суть приведенного анекдота заключается в столкновении связанного и свободного прочтения выражения день и ночь. Первичная интерпретация этого сочетания требует идиоматичного прочтения Постоянно, все время'. Однако интерпретация, предлагаемая профессором-педантом, разрушает идиоматичность, обращаясь к буквальному, не идиоматичному прочтению фразеологизма – 'сутки'. Как показали Е. В. Рахилина и В. А. Плунгян [2010: 141], «в подавляющем большинстве случаев при каламбурном совмещении речь должна идти не о словах, а о конструкциях – в смысле Ч. Филлмора». В нашем случае именно это и происходит. Пользуясь терминологией указанной статьи, можно сказать, что в первой фразе наблюдается совмещение значений (blending, подробнее см. [Рахилина 2000: 393–394]). Ответная реплика представляет собой конструкцию, в которой использование фразеологизма становится затруднительным (ср. **Что же можно выучить за день и ночь?*).

Реципиент анекдота из двух возможных прочтений первой реплики выбирает фразеологизированное, однако поскольку оно исключается второй фразой, он «восстанавливает» чисто композиционное, неидиоматическое, значение этого выражения. На этом и построен механизм шутки: конфликт идиоматического и прямого прочтений. В контексте нашей работы важнее, что на этом основаны и приоритеты словаря и грамматики: по умолчанию выражение интерпретируется как идиоматическое, а в случае неудачи значение конструируется по законам грамматического согласования смыслов. И в том, и в другом случае лексема не существует изолированно: конкретные значения актуализируются в определенных синтаксических конструкциях – свободных или идиоматизированных.

В современной лингвистике, особенно в ее когнитивном и функциональном направлениях, получил развитие подход, основанный на том, что конкретное речевое высказывание не всегда является результатом порождения поверхностной структуры из глубинной модели, при котором единицы разных уровней, как детали конструктора, складываются в речевое произведение. Напротив, речевые высказывания строятся из (полу-)готовых к использованию элементов, вообще говоря разложимых на более мелкие единицы. Аналогичным образом лексема при возможности ее разложения на составляющие морфемы зафиксирована в словаре в готовом виде.

Основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, – но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления [Гаспаров 1996: 104] (см. еще [Норман 1994]).

Языковые структуры – это продукт лингвистических построений, тогда как носитель языка в повседневной практике часто оперирует речевыми штампами, актуализированными в его сознании в соответствии с частотностью их употребления в речи. Их количество, по мнению ученых, сопоставимо с количеством лексических единиц:

Существует большое количество таких хранящихся в памяти готовых выражений. Самые грубые оценки показывают, что их число сопоставимо с количеством лексических единиц в словаре. Едва ли они являются периферийным компонентом нашего языкового употребления [Jackendoff 1995: 136].

Именно единицы, демонстрирующие идиоматическую связанность разной природы, являются главным объектом настоящего исследования. Их можно обнаружить на разных языковых уровнях: от фонетики до синтаксиса.

1. Фонемы: ср. нередуцированное произношение начальной фонемы <о> в слове *онтология*.

2. Словообразование¹: Ср. суффикс –ник- в *ночник, утренник, дневник, вечерник* (пример из [Панов 2004 (1956): 69–70]).

3. Словосочетание: ср. *белый медведь VS белая бумага* (пример М. В. Панова, [Там же: 67]).

4. Синтаксические предикативные единицы, безусловно, тоже подверженные идиоматизации, существуют в широком диапазоне от самостоятельной синтаксической модели до идиоматизированной конструкции:

«Фразеологизированность» синтаксических моделей имеет общий, но при этом градуальный характер. <...> В сознании же носителя языка эта градуальная шкала, по-видимому, поляризуется, что и дает основание для противопоставления «связанных» и «свободных» моделей [Норман 2007: 220].

¹ Укажем здесь на редкие наблюдения в области русской морфологической идиоматики: [Мельчук 1997–2006: Т. 4, 448–460] и др.; [Плунгян 2003: 27–28].

Определение и классификация

Прежде чем детально обсудить объект нашего исследования, представим взгляды лингвистов на общую классификацию идиоматических единиц². Первым важным шагом в создании теории идиоматизации является разработанная в XX веке классификация фразеологических единиц. Основы этой классификации были заложены в работах швейцарских лингвистов, в частности Шарля Балли (1909; рус. перевод [Балли 1961]). В русской лингвистике эти идеи были усвоены и развиты прежде всего И. Е. Аничковым, работы которого, к сожалению, до сих пор не пользуются особым вниманием лингвистов³. Между тем, именно он впервые ввел термин *идиома* («по аналогии с терминами фонема, морфема, синтагма, семема» [Аничков 1997: 108]) и обосновал роль идиоматики как науки:

Идиоматика является <...> не отделом той или другой лингвистической науки, а наряду с фонетикой, морфологией и синтаксисом основной лингвистической наукой [Там же: 108].

В отличие от подхода, получившего в дальнейшем широкое распространение в русистике, И. Е. Аничков не противопоставлял свободные и несвободные сочетания:

Словосочетания разной степени прочности, компоненты которых в разной мере являются переменными, не исключая так называемых «свободных сочетаний», – одинаково реальны и объективны <...>. Рассмотрению с этой точки зрения подлежит весь язык, а не только, как представлял Балли, часть языка, названная им «фразеологией» [Там же: 285].

Как известно, в советском языкознании большую известность получили работы другого последователя Ш. Балли – В. В. Виноградова. В его работах середины 1940-х годов [Виноградов 1945, 1947] была адаптирована классификация швейцарского ученого и заложены основы известного разделения фразеологизмов на сращения, единства и сочетания. В целом, эта классификация дожила до наших дней, включив в себя еще одну группу единиц – фразеологические выражения (см. [Шанский 1985]). Наконец, отдельной, еще не решенной задачей является ранжирование единиц по шкале устойчивости и идиоматичности, намеченное в пионерской работе М. М. Копыленко (1973), который предложил использовать для этой цели как внутриязыковые приемы (синтаксические трансформации), так и эксперименты с информантами и межъязыковое сравнение.

Важным шагом в исследовании идиоматики стали работы И. А. Мельчука (особенно [Мельчук 1960, 1968]), в которых он представил более строгое определение устойчивости и предложил общую классификацию, выведя ее за пределы собственно лексических единиц – фразеологизмов. Классификация опирается на совмещение русской и американской лингвистических традиций (прежде всего указанных работ Виноградова и работ [Weinreich 1969; Makkaï 1972; Jackendoff 1995]). Исследователь предложил типологию *фразем*, существующих на трех уровнях языковой системы – лексемном, морфологическом и синтаксическом. Отталкиваясь от принятого определения идиомы, согласно которому «семантика идиомы не складывается из семантики входящих в нее элементов» (некомпозициональность семантики), исследователь предложил следующее определение фраземы:

Говоря неформально и не вполне строго, фразему можно определить как такое словосочетание, означаемое и означающее которого НЕ МОГУТ

² Прекрасный обзор можно найти в монографии [Баранов, Добровольский 2008: 9-24]. Ниже мы излагаем лишь основные вехи в истории вопроса.

³ Его работы 1920-30-х годов собраны в сборник [Аничков 1997].

быть построены без ограничений и регулярно ([Melchuk 1995a], цит. по [Иорданская, Мельчук 2007: 226]⁴).

Автор предлагает четыре стратегии описания, из которых строится исчисление всех возможных типов фразем.

1. Языковая единица, которую затрагивает идиоматизация: лексема (*настух* с аффиксом –*тух*), словосочетание (*дутый авторитет*, англ. *red herring*), синтаксическая фраза (например, различающиеся просодией варианты предложения *Ты у меня читаешь эту книгу!*⁵).

2. Участие прагматических факторов в процессе идиоматизации: связанные с внеязыковой ситуацией прагматемы (*срок годности*, ср. англ. *best before*) vs семантические фраземы (*отбросить копыта*).

3. Компонент языкового знака, подверженный идиоматизации: означаемое (например, *бить баклуши*), означающее (например, супpletивные единицы в морфологии: *человек – люди*) или синтактика знака (например, *Он типа улыбнулся*).

4. Степень идиоматизации: полные фраземы (=идиомы) (*сыграть в ящик*), полуфраземы, или коллокации (*присесть на дорожку*), квазифраземы (*война и мир*. Ср. *?Мир и война*).

Общая классификация фразем по И. А. Мельчуку может быть представлена следующей схемой [Иорданская, Мельчук 2007: 223].

⁴ Строгое определение звучит так: «Комплекс X, образованный из сегментных знаков X_1, X_2, \dots, X_n , называется фраземой, если, по крайней мере, один из трех компонентов этого комплекса X (т. е. его означаемое, обозначающее или синтактика) не представим в терминах соответствующих компонентов знаков X_1, X_2, \dots, X_n , в то время как два других его компонента представимы в терминах соответствующих знаков X_1, X_2, \dots, X_n » [Мельчук 2001: IV, 448].

⁵ Предложение *Ты у меня читаешь эту книгу* имеет по крайней мере два просодических варианта. Один реализуется в ситуации запрета на чтение книги («Только попробуй прочитать эту книгу»), тогда как другой предполагает приказ на выполнение этого действия («Именно у меня ты читаешь эту книгу»).

Теоретические предпосылки

«Идиома – это то, с чем мы можем превзойти Хомского» (D. Hays, цит по: [Иорданская, Мельчук 2007: 243]). Шутливое определение, пересказанное И. А. Мельчуком, обозначает теоретическую доминанту исследований идиом в современной лингвистике: именно этот материал довольно плохо описывается в рамках генеративного синтаксиса (ср., впрочем, [Fraser 1970; Machonis: 1985; Tronenko 2003]). С другой стороны, эти явления стали одной из самых изучаемых областей в рамках когнитивной лингвистики. Эта часть посвящена обсуждению более общих, теоретических подходов, которые позволят поставить тему этой книги в более широкий контекст современных когнитивных исследований.

Под современной когнитивной лингвистикой понимают направление, изучающее возникновение, освоение и использование языка в прямой связи с деятельностью человеческого сознания. При множестве различных подходов и теорий, существующих в рамках когнитивной лингвистики, общим является признание языковой способности частным случаем когнитивного навыка, понимание грамматики как концептуализации и, наконец, утверждение, что языковой навык возникает из ситуации использования языка. Предлагаемое исследование опирается на несколько теорий, разрабатываемых в рамках когнитивной лингвистики. Ниже кратко охарактеризованы те из них, которые в наибольшей степени повлияли на настоящее исследование (обзор работ по современным подходам к синтаксической идиоматизации см. [Penttila 2006: 23–63]).

Грамматика конструкций (CxG)

Подход, названный Construction Grammar (CxG), в настоящее время получил чрезвычайно широкое распространение⁶. Он разрабатывается с конца 1970-х годов Ч. Филмором, П. Кеем [Fillmore & Kay 1993; Fillmore & Kay 1999; Kay 1998], а позже – Я. О. Остманом и М. Фрайд и многими другими (см. [Fried & Ostman 2004]; а также сайт www.constructiongrammar.org). Основная идея CxG формулируется следующим образом:

Главным стимулом для Грамматики конструкций (CxG) служит необходимость разработки системы грамматического описания, в котором маркированные конструкции (более или менее идиоматизированные формы выражения) описываются в рамках той же формальной модели, что и регулярные «ядерные» шаблоны и правила [Kay 1998: 1].

Формализм, заданный рамками теории, позволяет описывать единообразно единицы разных уровней: модальные глаголы, полнзначные лексемы, словосочетания, конструкции. При возможности описать с помощью таких схем любую языковую и речевую единицу основным объектом анализа в работах этого направления стали прежде всего идиоматизированные конструкции, такие как *let alone*, *What's X doing Y*, *the X-er the Y-er (the more the better)* и др. [Fillmore & Kay 1999:9].

Применение этого подхода приводит к выводу, согласно которому все синтаксические единицы являются *конструкциями*, то есть любая синтаксическая единица накладывает определенные ограничения на переменные, и принципиальной разницы между идиоматизированными и свободными конструкциями не существует.

Следует сказать, что Грамматика конструкций активно развивается в настоящее время, представляя несколько дифференцированных подходов. К «филлморской» CxG тесно при-

⁶ Этот и другие подходы подробно описаны в работе [Penttila, 2006].

мыкает подход, представленный в серии исследований Дж. Лакоффа, прежде всего в монографии [Lakoff 1987]. Третью главу этой книги, посвященную конструкциям с англ. *there*, часто называют первым исследованием в рамках СxG. Близкие к работам Дж. Лакоффа идеи представляет Адели Голдберг [Goldberg 1995,2006], которую тоже называют среди основателей СxG. Наконец, Уильям Крофт разрабатывает типологически ориентированный радикальный вариант СxG (Radical Construction Grammar), основным отличием которого является последовательное отрицание композициональности конструкций: по мнению У Крофта, не конструкции образуются путем сочетания более мелких элементов, но эти элементы могут быть вычленены в результате лингвистических процедур из уже готовой конструкции [Croft 2002]. Нельзя не отметить и существенный вклад в это направление русских лингвистов, прежде всего Е. В. Рахилиной и ее учеников, описавших целую серию явлений, ранее ускользавших от внимания исследователей (см. [Рахилина (ред.) 2010; НТИ 2008]). Наконец, следует отметить, что в последнее время наметилась тенденция к объединению практики исследователей, разделяющих формальные принципы описания в рамках GxC, и смещение в сторону другого популярного направления когнитивной лингвистики – «Модели языка, основанной на употреблении» (*Usage-based model*, см. ниже).

Грамматикализация vs деграмматикализация

Грамматика – это концептуализация (“Grammar is conceptualization”). Так сформулировал одно из базовых положений когнитивной лингвистики Рональд Лангакер [Langacker 1998]. Этот афоризм обобщил целый ряд существующих подходов и научных направлений в современной лингвистике, посвященных исследованию процессов, которые иногда предлагают объединить в рамках *суперграмматикализации* [Lindstrom 2004], включающей множество разнородных и разнонаправленных явлений. Исходя из тезиса о транспарентности языковых уровней, исследователи этого направления включают в круг рассмотрения и грамматический, и лексический материал. На основе того, что является результатом процесса – морфологическая единица, лексема или синтаксическая конструкция, можно выделить несколько направлений исследований. Однако в целом стоит помнить, что они принципиально не образуют четко очерченной системы, регулирующей эволюцию разных уровней языковой структуры.

Одно из направлений, достижения которого послужили фоном для настоящего исследования, принято называть *грамматикализацией* – термином, который имеет в настоящее время два значения. В широком смысле

этот термин отсылает к области изучения языка, которая сфокусирована на том, как возникают грамматические формы и конструкции, как они используются и как они формируют язык. Таким образом, он выдвигает на первый план связь между относительно нестрогими лексическими структурами и более строгими синтаксическими, морфосинтаксическими и морфологическими структурами [Hopper & Traugott 1993: 1].

В то же время грамматикализация может пониматься и в узком смысле, как один из процессов развития грамматической системы, о котором речь пойдет ниже. В рамках теории грамматикализации наиболее активно обсуждаются три группы вопросов, которые с некоторой долей условности можно назвать *грамматикализацией в узком смысле* и *деграмматикализацией* (см. обзоры в [Lindstrom 2004; Майсак 2005; Penttila 2006], на которые мы опираемся в последующем изложении).

Грамматикализация (в узком смысле)

Грамматикализация в узком смысле изучает процессы, результатом которых является появление морфологической единицы, которая восходит к лексеме или – шире – к синтаксической конструкции. Существует несколько определений грамматикализации (см. обзор [Campbell & Janda 2000]), наиболее нейтральным из которых, по-видимому, может считаться определение, данное К. Леманном:

Грамматикализация – это процесс, ведущий от лексемы к грамматическому показателю. Определенное число семантических, синтаксических и фонологических процессов взаимодействуют при грамматикализации морфем и целых конструкций [Lehmann 1982, с. x].

Поскольку грамматикализация в узком смысле является одной из наиболее разработанных областей этого научного направления, приведем ниже основные гипотезы, которые одновременно являются и своеобразными диагностическими инструментами (см. подробнее: [Bybee et al. 1994; Heine & Kuteva 2002]).

– **Определение источника.** Актуальное значение конструкции, входящей в процесс грамматикализации, однозначно определяет путь, по которому проходит процесс грамматикализации и, следовательно, грамматическое значение, возникшее в результате этого процесса.

– **Однонаправленность.** Путь в процессе грамматикализации всегда ведет от менее грамматичного явления к более грамматичному.

– **Сохранение более раннего значения.** Семантические нюансы начальной конструкции могут долго сохраняться и после начала процесса грамматикализации.

– **Последовательность сохранения значений.** Засвидетельствованные формы могут использоваться для реконструкции более ранних состояний языка.

– **Семантическое и фонологическое упрощение.** Семантическое упрощение часто сопровождается фонетической редукцией.

– **Многослойность.** Развитие новых маркеров не зависит от исчезновения или ослабления функций предшествующих форм.

Синтаксическая реинтерпретация

Общепринятое современное определение реинтерпретации принадлежит Р. Лангакеру:

Синтаксическая реинтерпретация (англ. syntactic reanalysis) – это изменение в структуре выражения или класса выражений, которое не приводит к немедленным или существенным модификациям поверхностной структуры [Langacker 1977: 59].

Синтаксическая реинтерпретация нередко определялась в качестве важного механизма грамматикализации (см. [Heine et al. 1991; Hopper & Traugott 1993; Givon 2001]). Однако начиная со статьи М. Хаспельмата [Haspelmath 1998], эти два процесса принято разграничивать. Исследователь демонстрирует разницу между грамматикализацией и синтаксической реинтерпретацией в следующей таблице [Там же: 327]:

грамматикализация

потеря автономности
последовательна
однаправленна
однозначна
вызвана использованием языка

реинтерпретация

нет потери автономности
непоследовательна
двунаправленна
неоднозначна в начальной точке
вызвана усвоением языка

В целом необходимо сказать, что случаи синтаксической реинтерпретации встречаются гораздо реже и изучены меньше (см., однако: [Langacker 1977; Timberlake 1977; Harris & Campbell 1995; Плунгян 2002; Roberts 2007; Willis 2008]).

Возникновение и развитие основного объекта нашего исследования – фразем разного рода – мы определяем как один из этапов грамматической концептуализации (в смысле R Лангакера), как частный случай грамматикализации. При этом очевидно, что грамматикализация в широком смысле не может проходить одинаково на разных уровнях. Более того, каждый из конкретных процессов может быть «трансграничным», без четких различий между лексемами и аффиксами, грамматикой и лексикой и т. д. В результате грамматикализации могут возникать единицы разного уровня: процесс может завершиться появлением идиоматизированной синтаксической конструкции, а может привести к развитию нового служебного слова, аффикса и т. д. Иллюстрацией этого процесса может служить судьба местоимения *себя* и суффикса – *ся* в русском языке: будучи исходно вариативными формами одной лексемы, они прошли разными путями грамматикализации, постепенно теряя ударение, формы склонения и, наконец, лексическую самостоятельность (суффикс – *ся*).

Учитывая однаправленность процесса грамматикализации, можно сказать, что синтаксические фраземы представляют собой один из путей исторического изменения единицы: от свободной синтаксической конструкции к идиоме (и – в некоторых случаях – к новой свободной конструкции). В этом смысле они вполне отвечают отмеченным М. Хаспельматом признакам. Например, синтаксические фраземы часто развиваются за счет существенных «материальных потерь» (например, эллипсиса), что приводит к уменьшению их *автономности*. Они в гораздо большей степени зависят от прагматических условий и морфологических форм конкретных лексем. И это совершенно естественно: если в конструкции не все семантические компоненты заданы эксплицитно, развивается большая зависимость от контекста или от входящего лексического материала. При этом многозначность единиц не только не увеличивается, но часто уменьшается. Как будет показано ниже на некоторых примерах, динамика развития носит *градуальный* характер.

Еще один важный признак грамматикализации – *однаправленное изменение* от меньшей к большей грамматичности – отмечается на наших примерах в полной мере: например, лексически прозрачный условно-следственный двухместный союз *если... так*, потеряв первый компонент, становится в конструкции *Гулять так гулять!* по существу чисто грамматическим маркером конструкции, сохраняя лишь «этимологическую» связь с исходным союзом, союзные функции и его условно-следственную семантику.

И наконец, проведенный анализ показывает, что изменения происходят в результате *использования языка*, а не в результате мгновенного изменения существующего грамматиче-

ского правила. Поскольку грамматикализация – процесс динамический, в следующем разделе мы кратко остановимся на современных подходах к историческим изменениям.

Синхрония vs диахрония

Тезис Ф. де Соссюра «все диахроническое в языке является таковым лишь через речь» [Соссюр 1977:130] за прошедшие сто лет был отвергнут, переосмыслен и снова принят. Множество «обломков прошлого» (по выражению А. А. Потебни) остается в языке в качестве идиом, которые с трудом поддаются описанию в терминах генеративных правил. Эти единицы могут быть рассмотрены как реликты былых состояний или ростки новых явлений, то есть как примеры постоянного языкового развития. Часть таких единиц в результате генерализации формируют то или иное правило, часть – хранится в виде застывших штампов. Представленные ниже исследования синтаксических фразем являются по преимуществу ориентированными на динамические модели в языке, проявляющиеся как на синхронном срезе языка, так и в его развитии. По этой причине целесообразно кратко остановиться на двух подходах, повлиявших на авторов настоящего исследования (обстоятельный обзор теорий языкового изменения можно найти в третьей главе книги [Croft 2000: 42–86]).

Модель языка, основанная на употреблении

Подход, названный *usage-based model / approach*, был впервые представлен Р. Лангакером в конце 1980-х годов [Langacker 1987, 1988]. С самого своего возникновения этот подход был четко противопоставлен лингвистике Н. Хомского, так что даже его отличительные особенности формулировались в противопоставлении генеративному синтаксису (см. [Langacker 2000]).

1. Максималистская (vs минималистская) теория

Любой носитель языка осваивает не только минимальный набор параметров, но весьма объемный и часто не организованный систематически избыточный набор конвенций.

2. Неупрощенная (vs упрощенная) грамматика Грамматическое описание не должно ограничиваться лишь набором правил, достаточных для описания процедуры порождения. Грамматика не является оптимальной с точки зрения экономии системой и может содержать генерализации разной степени обобщения: и абстрактные грамматические правила (например, правила предложного управления), и наполненные лексическим материалом единицы (например, *на основе, в течение* и т. д.).

3. Подход снизу вверх (vs сверху вниз)

Подход предполагает, что полная грамматика языка должна включать описание как максимально абстрактных правил, так и явлений *ad hoc*. Более того, правила являются простой схематизацией конкретного использования конкретных выражений. В этом смысле «низкоуровневая генерализация» (то есть менее обобщающая) является более точным представлением языка, чем генерализации на высоком уровне.

В дальнейшем детальная модель описания с теоретическим обоснованием подходов была разработана последователями Р. Лангакера, прежде всего С. Кеммер и М. Барлоу. Кратко ее можно сформулировать в следующих положениях (см. [Kemmer & Barlow 2000b]):

- тесная связь между языковыми структурами и единицами речи;
- важность частотности употребления;
- производство как неотъемлемая, а не периферийная часть языковой системы;
- внимание к обучению и опыту использования при усвоении языка;
- языковые репрезентации как производные, а не хранящиеся в неизменном виде;
- тесная связь между использованием, синхронной вариативностью и диахроническими изменениями;

- взаимосвязь языковой системы с неязыковыми когнитивными системами;
- важная роль контекста в функционировании языковых систем.

Эти идеи были реализованы в серии конкретных исследований: как в цитированном сборнике [Kemmer & Barlow 2000b], так и в других работах ([Kemmer & Israel 1994; Israel 1996; Barlow 2000; Kemmer & Barlow 2000a] и др.).

Теория невидимой руки

Эта теория получила свое название от метафорически сформулированного подзаголовка книги Р. Келлера “Sprachwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache” [Keller 1990]. Прежде всего исследователь определяет природу языка как «феномен третьего типа» в отличие от естественных и искусственных объектов (например, разрушение камня или строительство дома, соответственно). «Феномены третьего типа» являются незапланированным результатом суммы коллективных ненаправленных однообразных действий (например, пробка на дороге). Такие явления часто лежат в основе социальных изменений; они же, по мнению Р. Келлера, определяют языковые изменения.

Теория невидимой руки объясняет феномены третьего типа как причинную последовательность индивидуальных действий, каждое из которых имеет по крайней мере частично схожие намерения [Keller 1990: 96–97].

В качестве удачной иллюстрации действия невидимой руки в социуме Р. Келлер приводит следующий пример. Предположим, что в некоем университетском кампусе существует четко спланированная система дорожек. Однако с течением времени появляются тропинки, противоречащие задуманной системе, но точнее учитывающие реальные нужды студентов и преподавателей. При этом никакой согласованной деятельности по прокладке тропинок не ведется: каждый пешеход прокладывает свой путь, исходя из собственных нужд (расписание, расстояние, особенности микроландшафта и множество других). Однако в итоге самые популярные маршруты превращаются в тропинки и, возможно, будут признаны и легитимизированы специалистами по ландшафтному дизайну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.